

Поздно раскрывшийся талант

Крис Веллиш представляет **Дэвида Отора**, экономиста МТИ, который проводит новаторские исследования по влиянию импорта на рынок труда в США

Загляните в кабинет Дэвида Отора в обеденное время — и вы застанете профессора экономики Массачусетского технологического института (МТИ) перекусывающим бутербродом с арахисовым маслом и джемом, который он каждый день приносит из дома. Помимо того что Отор любит арахисовое масло с джемом, это к тому же позволяет ему не тратить время на посещение столовой на нижнем этаже.

«Я бы ни за что не стал терять на это час, — говорит 53-летний Отор в недавнем интервью, сидя в своем кабинете с видом на реку Чарльз. — Если я не работаю, то занимаюсь каким-нибудь другим полезным делом». Это может быть катание с сыном на парусной лодке, игра в хоккей в качестве капитана факультетской команды или разборка и последующая сборка электрических устройств.

Вопросы дефицита составляют саму суть экономики, и время кажется особенно дефицитным ресурсом для Отора, который поздно пришел в свою профессию и считает, что ему еще предстоит многое наверстать, несмотря на известность, достигнутую благодаря его новаторским исследованиям влияния торговли и технологий на рынок труда США. Обширные исследования Отора по рынкам труда — 29 журнальных статей по различным вопросам, от пособий по инвалидности до минимальной заработной платы, — проникнуты чувством уважения к достоинству труда, симпатии к обездоленным и обеспокоенности по поводу ущерба, который безработица наносит семьям и местным сообществам.

«Безделье — это ужасно, — говорит Отор. — Работа организует жизнь людей, наполняет ее смыслом. Она позволяет им самореализоваться. Она формирует круг общения». Он не согласен с экономистами, которые представляют работу как цену, которую мы платим за возможность потреблять блага. «Это совсем не отражает то, чем занимается большинство из нас. Мы готовы сами платить, чтобы сохранить свою работу».

Для ученого он имеет необычно широкий опыт реальной жизни: он был консультантом по компьютерному программному обеспечению, учителем в школе для детей из малоимущих семей, административным помощником в больнице. Все это дало ему практическое понимание его предмета и определило его склонность использовать объективные факты, проверяя, а иногда и оспаривая, традиционную экономическую теорию.

Возьмем пример исследований Отора по влиянию импорта из Китая на работников промышленных предприятий в США. Во время его учебы в аспирантуре школы им. Джона Ф. Кеннеди Гарвардского

университета в конце 1990-х годов экономисты обсуждали причины сокращения рабочих мест в обрабатывающей промышленности США, считая, что это долгосрочная тенденция, главным виновником которой была автоматизация. Потерявшие работу из-за конкуренции с импортом легко могли найти другие рабочие места на большом и гибком рынке труда в США.

«Как раз когда эта дискуссия близилась к завершению, ситуация начала меняться, — говорит Отор. — Большое влияние на нее оказывал подъем экономики Китая, а люди этого не замечали».

Вступление Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 году ускорило его превращение в мощную мировую экономическую державу, которая могла использовать обильные ресурсы дешевой рабочей силы для массового выпуска недорогой мебели, текстиля и электроприборов. В период с 1991 по 2012 год доля Китая в мировом производстве возросла с 4 до 24 процентов.

Как доказывали Отор и соавторы его исследования (Дэвид Дорн из Цюрихского университета и Гордон Хэнсон из Калифорнийского университета в Сан-Диего), это нанесло глубокий и долговременный ущерб положению американских рабочих. В статье, написанной в 2013 году, они подсчитали, что импорт из Китая напрямую привел к потере 1,53 млн рабочих мест в промышленности с 1990 по 2007 год — примерно пятой части общего сокращения занятости в этом секторе по всей стране. Эти потери рабочих мест были сосредоточены в районах страны, непосредственно подверженных влиянию конкуренции с китайскими производителями; в других местах рабочие места в сфере производства сократились гораздо меньше.

Еще важнее, что они обнаружили, что «китайский шок», как они называли это явление, распространился не только на производство, но и на отрасли, напрямую не затронутые конкуренцией с импортом, например, поставщиков деталей. Уровни занятости, заработной платы и участия в рабочей силе на местных рынках труда снизились на целое десятилетие или более (в последующей работе они оценили косвенные потери примерно в 1 миллион рабочих мест). Эти выводы ставят под сомнение принятые взгляды на мобильность рабочей силы. Оказалось, что работникам не так легко, как полагали экономисты, переехать в другой город, где больше рабочих мест, или сменить специальность.

«Дэвид поставил под сомнение общепризнанное мнение, — вспоминает Лоуренс Кац, председатель докторской комиссии Отора в Гарварде и соавтор нескольких его работ. — Люди продолжали

Интерес экономиста Дэвида
Отора к технологическому
прогрессу обусловлен
его жизненным опытом.

опираться на доказательства, устаревшие на 10 или 20 лет. Поскольку движение сопряжено с трудностями, мы теперь видим, что издержки торговли намного больше, чем мы думали».

Исследования Отора по Китаю были связаны с вызвавшими глубокую тревогу проблемами потери рабочих мест для среднего класса, вокруг которых бушевали страсти во время президентской кампании 2016 года в США. В статье, опубликованной в декабре 2016 года, Отор и его соавторы пришли к выводу, что шоки, связанные с торговлей, разводят избирателей по полюсам политического спектра. В другой статье они показали, как ухудшение перспектив трудоустройства и более низкая зарплата молодых мужчин в городах, подверженных воздействию торговли, уменьшает их привлекательность как потенциальных мужей, способствуя снижению коэффициентов брачности и увеличению числа детей, рожденных от матерей-одиночек.

Технологический прогресс является еще одним поводом для обеспокоенности в обществе и темой, увлекающей Отора, отчасти ввиду его образования в области информатики. В конце прошлого века, по мере того как персональные компьютеры получали все большее распространение дома и на рабочих местах, экономисты начали изучать вопрос о том, как приобретение навыков пользования компьютером повышает ценность людей на рынке труда.

Отор избрал иной подход. Он определил конкретные задачи, выполняемые работниками, скажем, перемещение предметов или проведение расчетов, и определил, какие

из них могут выполняться компьютерами. Он и его соавторы выяснили, что, хотя компьютеры заменяют людей при выполнении многих рутинных задач, типичных для специальностей «средней квалификации», например, бухгалтера или кассира, они усиливают ценность навыков решения задач, адаптируемости и творчества, характерных для профессиональных и управленческих функций. При этом компьютеры не могли использоваться для некоторых ручных работ, например, выполняемых дворниками или работниками заведений быстрого питания. Результатом стала растущая поляризация рынка труда, когда быстрее всего растет заработка работников высшей и низшей квалификации, в то время как средние уровни оказываются в худшем положении.

Этот вывод был получен в результате проведенного в 2002 году исследования в отношении работников банка, установившего новое программное обеспечение для обработки чеков, что с конца XIX века делалось сотрудниками вручную. Отор и его соавторы, Ричард Мурнейн и Фрэнк Леви из Гарвардского университета, провели в банке несчетное количество часов, беседуя с сотрудниками и менеджерами и наблюдая за их работой. Они обнаружили, что, хотя программное обеспечение способно обрабатывать 97 процентов чеков, для обработки остальных 3 процентов с такими проблемами, как овердрафт или неразборчивые подписи, все еще требовалось участие человека. Это позволяло реорганизовать работу этих сотрудников, сделав упор на более квалифицированный труд.

«Люди теперь работали с более широкими наборами счетов и больше занимались решением задач, а не просто обработкой транзакций», — говорит Отор.

Значительная часть научной деятельности Отора связана с работой на местах. Проводя исследования для статьи, объясняющей, почему агентства по найму временных сотрудников предлагают им профессиональную подготовку,казалось бы, не получая от этого никакой явной выгоды, он зарегистрировался в качестве заявителя в одном агентстве, чтобы получить непосредственный опыт собеседования. Он выяснил, что фирмы предлагают бесплатную подготовку для того, чтобы оценить мотивированность сотрудников и узнать, как можно привлечь людей, заинтересованных в развитии навыков.

Его интерес к технологическому прогрессу также обусловлен его жизненным опытом: в старших классах школы он самостоятельно научился программировать один из первых персональных компьютеров Radio Shack TRS-80. Но его путь от компьютеров к экономике был далеко не прямым.

Он поступил в Колумбийский университет, но вскоре бросил учебу («Я был еще крайне незрелым», — объясняет он) и вернулся в родной Бостон, где устроился помощником по административным вопросам в больнице. Затем он стал разработчиком программного обеспечения в той

же больнице, а позже перешел в созданную его другом консультационную фирму по программному обеспечению, где, в частности, разрабатывал базы данных для банков.

Когда он продолжил учебу, на этот раз в Университете Тафтса в Медфорде, штат Массачусетс, Отор выбрал в качестве специальности психологию, намереваясь стать клиническим психологом, как его родители.

Однако ко времени выпуска в 1989 году «я пришел к выводу о том, что, по крайней мере в той части психологии, которую я изучал, меня очень интересовали поставленные вопросы, но совершенно не удовлетворяли методы или ответы, — говорит он. — У меня был вкус к информатике и технике, но при этом меня занимали социальные проблемы, а как соединить эти две области, я не знал».

В итоге он сел за руль купленного за 250 долларов автомобиля «Додж Колт» и отправился в поездку по стране, не имея каких-либо определенных планов. Слушая радио по дороге, он узнал, что методистская церковь в Сан-Франциско открывает программу обучения компьютерным навыкам для детей из бедных районов города. Отор пришел и предложил свои услуги бесплатно и вскоре стал директором по образованию.

«Я считал, что это ближе к тому, что я искал, — говорит Отор. — С одной стороны, это техника, а с другой — решение социальных проблем, так что этот вариант меня вполне устроил».

Он познакомился со своей будущей женой, Марикой Тацутани, когда они оба искали соседа для совместного съема дома в Окленде, штат Калифорния. В то время Тацутани училась в аспирантуре Калифорнийского университета в Беркли. Сейчас она является самозанятым публицистом по энергетической и экологической тематике, редактором и консультантом. У них трое детей в возрасте от 13 до 20 лет.

Прожив три года в Калифорнии, Отор, как всегда неу过后, решил, что пришло время двигаться дальше. Он подумывал поступить на медицинский факультет, но в итоге выбрал программу общественной политики в Гарвардской школе Кеннеди, и ее обязательные курсы по экономике подсказали Отору его будущую карьеру. «Я был просто потрясен, и я думал: «Почему же мне никто раньше об этом не сказал? Это именно то, что я искал», — говорит он. — «Эта наука занимается проблемами, которые меня волнуют, но при этом использует методы, которые я уважаю, которые я ценю, которые доставляют мне удовольствие».

Мурнейн, который был одним из профессоров Отора (и позже участвовал в его исследовании по банку), был впечатлен его любознательностью и энтузиазмом. «Думаю, его психологическое образование принесло ему немалую пользу, обеспечив ему более

широкий взгляд на проблемы по сравнению с теми, кто изучал только экономику».

В 1999 году, получив докторскую степень, Отор стал искать работу, полагая при этом, что такие организации, как МТИ, будут не склонны принимать его всерьез как экономиста, потому что его специальностью была общественная политика. Поэтому, когда Оливье Бланшар, в то время председатель кафедры экономики МТИ, позвонил ему, чтобы предложить работу, Отор был настолько ошеломлен, что сперва даже не хотел отвечать на звонок.

«Я был в ужасном смятении, — вспоминает Отор. — Я чувствовал себя, с одной стороны, самым счастливым из всех людей моей профессии, а с другой — полным самозванцем. Что я вообще здесь делаю?»

«Энди действительно был необычным кандидатом для работы в МТИ», — говорит Бланшар, который позже стал главным экономистом в МВФ и в настоящее время является старшим научным сотрудником в Институте международной экономики Питерсона в Вашингтоне. «Но его работа оставляла впечатление целеустремленности, настоящего таланта, серьезности, которое побудило нас сделать этот выбор. И как мы оказались правы!»

Тем не менее, первые год-два Отору пришлось нелегко, поскольку, по его мнению, он не обладал достаточной подготовкой по экономической теории. Он вспоминает, как ему поручили преподавать курс бакалавриата в области макроэкономической теории, и что он сомневался в своей квалификации.

«Сначала я подумал: «Да, я в этом слабовато подкован, не мне это преподавать». Но затем решил: «Зато это хороший способ самому изучить эту тему»».

В эти дни Отор все так же занят, но уровень стресса ниже. Он был назначен содиректором Программы исследований проблем труда в Национальном бюро экономических исследований вместе с Александром Масом из Принстонского университета. Он преподает курс бакалавриата по прикладной микроэкономической теории и общественной политике. Он продолжает свое исследование воздействия экономических потрясений на политические убеждения и структуру американской семьи. Он также приступил к амбициозному многолетнему исследованию влияния финансовой поддержки студентов на посещение и завершение учебы в колледже.

В итоге на сон у него остается (в лучшем случае) по шесть часов в сутки. Но он ни на что не жалуется.

Он говорит, что люди очень щедро делились с ним советами и предоставляли ему возможности пополнить знания, которые определили его карьеру. Он хочет быть так же щедр с другими. «Мне в жизни необычайно повезло». **ФР**

КРИС ВЕЛЛИШ является сотрудником редакции журнала «Финансы и развитие».